

Глава VI. Социальная революция в Гуляй-Поле

После девятилетнего отсутствия Махно вдыхал родной воздух с понятным волнением. Теперь ему было двадцать семь с половиной лет, и лучшие годы молодости были потеряны в тюремных камерах и каменных подвальных мешках ненавистного царизма. Он должен взять реванш за свою жизнь, но это был уже опытный боец и только действие могло утолить его жажду социальной практики.

Вначале он отправился к матери: ей было семьдесят лет, и она ему показалась постаревшей не по возрасту и согнувшейся. Он увидел своих старших братьев Савву и Емельяна; остальные братья за это время обосновались отдельно, были мобилизованы на фронт.

Он встретился с оставшимися в живых членами гуляйпольской анархистской коммунистической группы, узнал о судьбе своих старых товарищей, познакомился с новыми и молодыми членами группы, главная деятельность которых состояла в подпольном распространении листовок. Многие крестьяне и крестьянки пришли поприветствовать «восставшего из мертвых», как его называли, что позволило ему осознать их готовность воспринимать анархистские идеи. Это прощупывание пульса переполнило Махно удовлетворением, и он собрал вместе с товарищами по группе импровизированное собрание. Он им изложил свой анализ ситуации: не дожидаясь, пока анархистское движение вновь обретет силы по всей стране и начнет организовываться, анархисты должны быть во главе революционного действия. Его активность натолкнулась на противодействие со стороны некоторых традиционных членов анархистского движения, которые проповедовали пропагандистские действия в среде трудящихся, направленные исключительно на их ознакомление с анархистскими теориями. Махно и его друзья оказались в группе в меньшинстве; но это не имело решающего значения, поскольку, ни в коем случае, он не мог удовлетвориться такой пассивной тактикой, и в нем кипело желание действовать, сдерживаемое на протяжении стольких лет. Уже на следующий день после своего возвращения он берет инициативу в свои руки и предлагает местным крестьянам избрать делегатов и создать Союз крестьян Гуляй-Поля. Несколько дней спустя, 29 марта 1917 г., Союз создан; он представлял большинство крестьян общины и в последующие дни к нему присоединились крестьяне уезда, затем всей губернии. Вслед за ними рабочие металлургической и деревообрабатывающей промышленности организуют свои комитеты; создана также касса взаимопомощи. Зараженные радикальными и полными энтузиазма речами Махно, все они избирают его своим председателем, несмотря на его возражения.

Хотя это было нарушением по отношению к анархистскому учению, не позволявшему осуществлять никакую официальную власть, Махно принимает все ответственные посты, которые хотели на него возложить, и успевает всюду сразу, в комитетах, в анархистской

группе; он ездит также по ближайшим селам. Он предпринимает также по настоятельной просьбе других революционных активистов, попытку разобрать архивы местной полиции. Из них он узнал, что бывший член группы Петр Шаровский выдал Александра Семенюту, чтобы получить вознаграждение в 2000 рублей, обещанное за его поимку; но жадность приятеля не была полностью удовлетворена, поскольку он получил, по данным архива, всего 500 рублей! Нестор понял, почему его бывший друг так и не появился со времени его возвращения³⁵¹.

Когда его избрали еще и председателем комитета общины, Махно отказался, так как, с одной стороны, он не знал об отношении анархистов в национальном масштабе к этим выборам, а, с другой стороны, он согласился быть председателем других комитетов только, чтобы уменьшить авторитет этих комитетов и помешать, чтобы представители других политических партий были избраны вместо него. Если бы им удалось овладеть волей трудящихся, считал он, они «непременно убили бы всякую творческую инициативу в революционном движении³⁶²». Таким образом, если он занимал такие ответственные посты, то только временно, чтобы быть хорошо осведомленным в действиях официальных властей и приучить трудящихся обходиться без «опекунов» и научиться вести дела самостоятельно.

Впрочем, Махно «летает» туда-сюда, и когда работа этих комитетов налаживается, передает свой пост кому-нибудь из верных товарищей, не теряя из виду эти дела.

Благодаря своей неутомимой деятельности Махно избран делегатом на районный крестьянский съезд в Александровске. По его предложению было принято решение о передаче земель помещиков крестьянским общинам, без какой-либо компенсации, к большому сожалению социал-демократов и кадетов, сторонников выкупа.

Его призывы к коллективизации земель, заводов и мастерских вызвали большой отклик, многие приезжали издалека, чтобы проконсультироваться с ним и следовать его примеру. Даже анархисты крупных городов, узнав о его успехах, обращаются к нему с просьбой приехать, чтобы помочь в их деятельности.

Но главным для него было Гуляй-Поле и там, постоянно востребованный, он никогда не уклоняется от работы. Приведем в качестве примера забастовку рабочих сельской общины, в которой он был избран председателем профсоюза. Когда рабочие попросили его взять на себя руководство забастовкой, он согласился, потому что его к этому обязывал занимаемый пост, а, с другой стороны, потому что он надеялся привлечь к анархо-коммунистической группе самых боевых рабочих.

Прежде чем начать стачку рабочие на общем собрании попросили его выработать и представить хозяевам их требования. После долгой общей дискуссии он собрал хозяев и потребовал увеличения заработной платы от 80 до 100% под угрозой немедленной всеобщей забастовки. Разъяренные хозяева отказались; он дал им день на размышления; они вернулись на следующий день и предложили от 35 до 40%. Махно ответил, что «рассматривает это предложение как прямое оскорбление» и предложил им подумать еще один день. За это время он договорился с заводскими комитетами и представителями

мастерских об одновременном объявлении забастовки во всех местах в случае, если хозяева еще раз отклонят их условия. Он даже предложил рабочим произвести немедленную экспроприацию всех капиталов, имевшихся на предприятиях и в банке Гуляй-Поля, чтобы окончательно обезоружить местную буржуазию и предупредить возможные действия властей против забастовщиков; все это пока рабочие сами не установят действительный контроль над предприятиями. Рабочие решили отложить на будущее осуществление этого последнего плана, поскольку они считали себя еще недостаточно готовыми и предпочитали объединить экспроприацию предприятий с экспроприацией земель помещиков.

На следующий день хозяева вернулись и после мелочных споров, длившихся два часа, они предложили несколько большее повышение зарплаты, но все же меньшее, чем требовали рабочие, в надежде достигнуть компромисса. Тогда Махно им объявил, что переговоры прерываются, и закрыл заседание. В этот момент, Кегнер, самый богатый из предпринимателей, бывший хозяин Нестора и его отца Ивана, который почувствовал, как старый лис, что дело может плохо кончиться, сказал с предупредительностью: «Нестор Иванович, Вы поспешили закрыть наше собрание. Я считаю, что требование рабочих вполне правильно. Они имеют право на то, чтобы мы его удовлетворили, и я подпишу свое согласие на это».

Волей-неволей, другие хозяева пошли за своим направляющим, и протокол о согласии был подписан. «С этого времени рабочие в Гуляй-Поле и в районе подготовились и взяли все предприятия, в которых работали, под свой строго организованный контроль, изучая хозяйственно-административную сторону дела, начали готовиться к взятию этих общественных предприятий в свое непосредственное ведение».

Кроме того, Махно и его товарищи разоружили местную милицию, забрали у нее право на аресты и обыски и ограничили ее роль до уровня сельских посыльных. Он собрал затем всех помещиков, конфисковал их документы на владение землей и на этой основе провел точную опись земель. Именно тогда крестьяне района отказались отдавать обычную арендную плату этим землевладельцам, надеясь после сбора урожая взять в свои руки их землю, «без всяких разговоров с ними и властью, охраняющей их, и распределить землю между собой и желающими обрабатывать ее рабочими заводов и фабрик».

Видя все эти акции и их положительные результаты, Махно удивился слабому размаху анархистского движения на Украине и в России, хотя активистов было достаточно большое число – десятки тысяч, но, в конечном счете, они оказались пассивными перед лицом левых политических партий, если не в их хвосте. В действительности, большинство анархистов довольствовалось пропагандой идей и теорий среди трудового населения и организацией, параллельно с этим, коммун для совместной жизни и клубов. Махно очень сожалел о том, что они не пытаются организовать в мощное общерусское движение, способное выработать общую тактику и стратегию, чтобы непосредственно участвовать в движении революционных масс и таким образом влиять на ход событий и соединить жизнь и деятельность городов и сел. Именно этим путем, по его мнению, можно бы направить социальное движение в сторону анархического коммунизма.

Всю свою жизнь Махно будет сожалеть о постоянном отсутствии организованности у анархистов, имевшей, несмотря на их число и качества, негативные последствия: неспособность осуществлять конкретно и продолжительно свой план освобождения. Он даже будет объяснять за счет этого серьезного недостатка поражение русской революции и анархистского движения.

Со своей стороны, Махно в этом 1917 году полон решимости и веры, готовой сдвинуть горы, он принимает участие в самых радикальных и самых отважных инициативах. 29 августа 1917 г. наступление генерала Корнилова на Петроград с целью свержения временного правительства социалиста Керенского и установления сильной власти ускорило события. В Гуляй-Поле в спешке создан Комитет защиты революции, Махно доверили быть его председателем. Поскольку одновременно он являлся председателем Союза крестьян, преобразованного в «совет», ему пришлось разрываться между этими двумя обязанностями. В ответ на попытку контрреволюции он предложил «разоружить всю местную буржуазию и упразднить ее права на народные богатства: земли, фабрики, заводы, типографию, театры, кинотеатры и другие публичные заведения», которые отныне будут находиться под коллективным контролем трудящихся. Комитет защиты принял его предложение, тем не менее, поскольку Керенскому удалось еще удержаться у власти, соотношение сил не позволяло осуществить принятые решения. Пока крестьяне довольствовались тем, что не платили больше арендную плату землевладельцам и взяли под свой контроль земли, скот и сельскохозяйственные орудия. Только несколько больших земельных владений коллективизировано, в них устроены коммуны, состоящие из безземельных семей и сходных мелких групп. Каждая коммуна объединяла около двухсот человек.

Рассмотрим более подробно коммуны, организованные лично Махно в бывших немецких колониях Нейфельд и Классен.

Эти анархистские коммуны были основаны на принципе равенства и солидарности всех членов, мужчин и женщин. Кухня и столовая у них были общие, однако, каждый сохранял возможность питаться отдельно, при условии, что вовремя об этом предупредит. Все поднимались рано и сразу после завтрака, принимались за работу. При необходимости отсутствовать, коммунары должны были предупредить ближайшего соседа с тем, чтобы его могли заменить. План работы устанавливался по согласию на общем собрании. Деятельность не сводилась только к сельскому хозяйству, была и ремесленная и даже был создан механический цех³⁷⁴.

Как член одной из этих коммун, Махно участвует дважды в неделю в работе: во время весеннего сева он помогает бороновать и сеять; остальное время он работает на ферме или же помогает механику на электростанции.

В это время он живет со своей подругой Настей.

Все участники считают эту совместную свободную жизнь «самой высокой формой социальной справедливости». Некоторые землевладельцы присоединяются к этой концепции и начинают сами обрабатывать землю. Действительно, бывшим хозяевам оставлен выбор: они могли участвовать на полностью равных правах в жизни и работах

коммуны.

Другой пример анархистской коммуны, организованной в том же районе, возле Корбино, по Днепру, описан Виктором Кравченко, будущим сенсационным перебежчиком³⁸⁵. Его отец был одним из создателей этой коммуны, получившей название «Набат». Она объединила около ста рабочих семей прибывших из Екатеринослава и устроившихся в центральной части великолепного имения, включавшего двести гектаров пашни, сады, а также помещичий дом и пристройки флигеля. Отец Виктора Кравченко отказался вступить в коммунистическую партию, так как «не чувствовал никакого влечения к диктатуре и террору, по его откровенному признанию, даже если они завернуты в складки красного знамени», поэтому он хотел «оставаться свободным и продолжать бороться в одиночестве за лучший мир³⁹⁶». Это обустройство прошло в согласии с местными крестьянами, разделившими между собой остальные земли имения:

Местный совет, поддерживая его инициативу, разделил землю и предоставил корма и необходимый скот, чтобы дополнить то, что осталось от ресурсов старого имения.

В городах из-за нехватки сырья почти полностью остановилась промышленность, а снабжение продуктами снизилось до такого уровня, что люди почти умирали от голода. Поэтому бегство поближе к земле, дававшей каждому шанс на спасение, было хорошо воспринято. Желание удовлетворить духовные потребности также побудило многочисленных сторонников присоединиться к нам. Многие действительно горели желанием применить в узких рамках коллективного хозяйства некоторые теории, об осуществлении которых они горячо мечтали на протяжении долгих лет революционной борьбы. Набат, – говорили они, – будет постоянно бить тревогу, чтобы напоминать о том идеале братства, который казался полностью забытым в сутолоке братоубийственной войны, в которой большевики при помощи ЧеКа осуществляли массовые аресты и расстреливали людей направо и налево под пустячными предложениями.

(...) Городские рабочие внесли в труд на земле свою энергию отчаяния. Конечно, они хотели прежде всего накормить свои семьи, но они хотели также оправдать те жертвы, которые принесли в прошлой борьбе за свое Дело. Местные крестьяне посмеивались над тружениками города, ставшими пахарями: Мы посмотрим, – говорили они, подмигивая, – как эти «коммунисты» будут пахать нашу землю!

Эти насмешки были по сути беззлобными: это были скорее знаки дружеского внимания. Многие крестьяне спешили дать нам советы и помочь при первой возможности. Они были далеки от того, чтобы сердиться за наш опыт и смотрели на это как добрые соседи с интересом полным симпатий. Не один раз, когда у нас было слишком много работы, они нам оказывали неоценимую помощь, и благодаря им, наш первый год стал успешным.⁴⁰⁷

Впоследствии эта коммуна будет разрушена, став жертвой событий. «Идиллическая мечта о кооперативном предприятии» завершится в раздорах и горечи и даже в «мрачном отчаянии», коммунары оставили ее один за другим.

Замечательной была также деятельность отдела снабжения гуляйпольского совета. Он установил контакт с текстильными фабриками Москвы и других городов с целью организовать с ними прямой обмен. Несмотря на препятствия со стороны центральной «новой власти», большевиков и левых эсеров, объединившихся в коалицию – ужасных государственников – которые не могли допустить обмен между городом и деревней без посредничества государственных органов, два груза были доставлены: с одной стороны, несколько вагонов пшеницы и муки, а, с другой, вагоны с тканями в соответствии с заказом отдела снабжения совета. Речь идет не просто об обмене товарами одинаковой ценности, то есть непрямыми торговыми отношениями, нет, это был обмен ценностями в переменном количестве, определяемом исключительно потребностями, сформулированными той и другой стороной.

Интересно также узнать, как осуществлялись отношения между разными комитетами коммуны и делегатами, которых они назначали. Не превращались ли они в бюрократов, ревностно оберегающих свои прерогативы, не контролируемых и не отвечающих ни перед кем, как это часто имело место в истории? Дело Леона Шнейдера может послужить отличным примером контроля, который хотели иметь комитеты над избираемыми или назначаемыми на ответственные посты. Речь идет о члене местной анархистской группы, избранном делегатом комитета рабочих металлургической и деревообрабатывающей промышленности в качестве их представителя в екатеринославский губернский совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. В его задачи входило следить за снабжением заводов и мельниц Гуляй-Поля железом, чугуном, углем и другим необходимым сырьем. Шнейдер, зараженный «бюрократической» атмосферой, запустил свою работу, и когда у него потребовали объяснений по поводу задержки или отсутствия снабжения, он ответил, что у него нет больше времени этим заниматься, что окружной совет дал ему другое поручение и попросил гуляйпольский комитет назначить другого представителя на его место. Тогда он получил телеграмму, предписывающую ему немедленно вернуться в Гуляй-Поле и отчитаться о своем мандате, в противном случае будут посланы два товарища, чтобы его привезти.

Обеспокоенный в большей степени своим основным местом, он вернулся, отчитался и был отправлен к своему станку на завод Кернера. Униженный, он отомстит при первой возможности, как мы это скоро увидим.

Что касается роли Махно, ее трудно определить в этот период, несмотря на все его поручения и его интенсивную деятельность, на него смотрят, как на какого-то советника № 1, то есть у него всегда спрашивают его точку зрения и мнение, но их далеко не всегда автоматически принимают, и в анархистской группе, где их оспаривают особенно молодые члены, и в совете, и в комитете защиты революции. Одним словом, на нем большая ответственность, но власть его мала. В этом он, конечно, последовательный анархист.

Тем временем на голубом небе революции сгущаются тяжелые тучи: прежде всего, состоялся Октябрьский большевистский переворот, к которому присоединились левые эсеры, целью которого было монополизировать власть, под предлогом установления власти советов; затем поднялись против большевиков донские казаки под предводительством атамана Каледина, а также украинские шовинисты, которые хотели выгнать вон кацапов и

особенно, пересмотреть социальные завоевания, осуществленные революционным крестьянством.

В этой ситуации, гуляйпольский совет решил прийти на помощь городу Александровску, которому угрожала война Центральной Рады, правительства сформированного украинскими националистами. Это решение поставило сложный вопрос перед местными анархистами, так как они должны были поддерживать там правительственные силы, которые, даже если они и были «левыми», оставались, тем не менее, потенциальным врагом автономии масс. Махно считал тогда: «Будучи анархистами, мы должны, несмотря на противоречия, решиться сформировать единый фронт с правительственными силами. Верные анархистским принципам, мы сможем преодолеть все эти трудности и, уничтожив черные силы реакции, мы расширим и углубим ход революции для наибольшего блага поработанного человечества».

4 января 1918 г. был сформирован отряд численностью восемьсот или девятьсот человек, триста из которых были членами гуляйпольской анархистской группы. Отряд возглавил старший брат Нестора Савва Махно, и они отправились поездом в Александровск, чтобы присоединиться к красногвардейцам, которыми командовал Богданов. Нестора там назначили членом революционного комитета города. Ему поручили руководить следственной комиссией по делам заключенных офицеров, обвиненных в заговоре против революции: генералов, полковников, начальников милиции...

К своему изумлению Махно обнаружил среди них бывшего прокурора, который занимался его делом в 1909 г. и посадил его в карцер, потому что он пожаловался на условия содержания. В свою очередь он отправил его в ту же камеру, в которой сидел тогда сам, предписав экс-прокурору те же условия содержания. Колесо крутится: вот ирония истории, которая должна бы всегда заставлять задуматься ответственных за все репрессии.

Нестор воспользовался своим положением, чтобы освободить рабочих и крестьян, брошенных в тюрьму еще при Керенском, которых большевики отказались выпустить из-за страха, как бы они не восстали также против них!

Именно в это время Нестор получил боевое крещение в столкновениях с донскими казаками, несколько полков которых возвращалось с фронта на поездах, чтобы присоединиться к Каледину. Получив сильный отпор, они сдались, их разоружили и отправили домой. После этой операции, гуляйпольский отряд вернулся к себе, прихватив дополнительное оружие.

Махно столкнулся с трудной проблемой финансирования деятельности совета коммуны. Разумеется, он мог бы получить любую сумму от революционного комитета Александровска, но в этом случае это означало бы признать его власть и тем самым – правительство Ленина, чего Махно не хотел ни за какие деньги. Тогда он предложил совету реквизировать 2 500 000 рублей у местного банка. Его предложение было принято единогласно. У банка потребовали эту сумму, именем революции для нужд совета; через несколько дней она была выплачена и по инициативе Махно распределена между учреждением для военных сирот и отделом снабжения совета, остальное потрачено на потребности революционного комитета.

Так на протяжении года гуляйпольская группа анархо-коммунистов под влиянием ненасытного Нестора и его многообразной деятельности в представительских органах трудового народа смогла завоевать новые социальные права и в силу этого разбудить радикальное революционное сознание в районе.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 18 апреля 2025 22:06:43

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 20 апреля 2025 14:00:06